

ею сам Белинский) развертывать идеи в образах, представляющих собою убедительнейший и самостоятельный мир. Если Белинский замечал, что в художественном произведении сквозит публицистика, он указывал на относительную ничтожность воздействия такого проповедования.

Если Белинский через Чернышевского, Плеханова и Ленина ведет нас к основным явлениям нашего нынешнего общественного сознания, то тот же Белинский, через Добролюбова и Плеханова, подводит нас к самым крупным проблемам специфической художественной нашей действительности. И в наше время, когда пролетарская литература должна взять на свои плечи такую огромную задачу, как познание нашей ежечасно обновляющейся страны и проведение в нее идей коммунизма, которыми пролетариат ведет страну по необычайным путям, — в такое время нам в высшей степени нужно проникнуться и правильной оценкой идейного содержания художественных произведений, и ярким сознанием обусловленности общественного действия их законченностью художественной формы. А всему этому прекрасно учит нас Белинский.

П. Н. САКУЛИН

<В. Г. Белинский и идеи социализма и марксизма>

<Фрагмент>

<...>

Глубоко захватили новые идеи знаменитого критика, *Виссариона Григорьевича Белинского*.

Теперь уже с достаточной определенностью прослежена вся история того, как Белинский сбросил с себя иго гегельянства и увлекся идеей социальности*.

* А. Н. Пыпин. «Белинский, его жизнь и переписка». Изд. 2-е. СПб., 1908.— Иванов-Разумник. Т. III. «Великие искания». В. Г. Белинский.— П. С. Коган. Белинский. 2-е издание. М. 1923.— Г. В. Плеханов. Литература и критика. Издание «Новой Москвы». — Его же. В. Г. Белинский. Сборник статей с предис-

Покорный закону «вечной движимости», Белинский всю свою жизнь провел в «неистовых» исканиях истины. Без религии, в широком, философском значении этого понятия, он не мог существовать. Последовательно пройдя несколько стадий философского стажа (Шеллинг, Фихте, Гегель), Белинский во второй половине тридцатых годов, как и другие русские гегельянцы, верил, что мировая загадка решена. Абсолют, Общее, *eine Allweise Güte* (т. е. Премудрая; Благость) — вот те высшие духовные начала, которыми осмысливается и оправдывается бытие мира. При такой философской концепции умалется значение конкретной действительности, а личность попадает в вассальную зависимость от Общего. Но что за беда? Истина всего дороже. «Дух веяной истины, — восклицает Белинский в письме к Боткину, конца 30-х годов, — молюсь и поклоняюсь тебе и с трепетом, со слезами на глазах отныне предаю тебе судьбу мою: устрой ее по разумной воле своей, и если суждено мне на земле высшее, блаженство — от тебя приму его, и если никогда не узнаю его!» Мир — объективно целесообразен, и человек может спокойно взирать на свою судьбу.

Но такой философский квиетизм слишком противоречил мятежной натуре Белинского, чтобы он мог без конца сохранить пассивную покорность перед Общим, а действительность так часто и так грубо напоминала о своей непризрачности, что тонкие золотые нити, из которых была сплетена система философского идеализма, не могли выдержать толчков и ударов*. В 1840–1841 годах Белинский мучительно сознавал, как постепенно тухнет светлый мир его верований. Уже 3 февраля 1840 года он жаловался Боткину: «В душе моей сухость, досада, злость, желчь, апатия, бешенство и проч., и проч. Вера в жизнь, в Духа, в действительность — отложена на неопределенный срок, до лучшего времени». Как-то особенно больно почувствовалось, что «Общее — это палач человеческой индивидуальности», и личность властно потребовала себе прав, которые были у нее узурпированы Молохом-Общим, и прежде всего права на полноту реального суще-

словием В. Ваганяна. Госизд. 1923.— П. Н. Сакулин. Социализм Белинского. Тексты и комментарии. 1924. Полное собрание сочинений Белинского выходило под редакцией проф. С. А. Венгерова, но, к сожалению, до сих пор не закончено. Есть несколько и других изданий. Обращаю внимание на издание избранных сочинений под редакцией Иванова-Разумника (в трех томах, с вводными статьями и комментариями).— Письма Белинского, изданы под редакцией Е. А. Ляцкого (в трех томах).— Печатается сборник под редакцией Н. К. Пиксанова с новыми текстами Белинского.

* О том, как в философских и социальных исканиях Белинского сказывается его натура, см. в моей статье «Психология Белинского» («Голос минувшего», 1914, апрель).

ствования. Заговорил органически присущий Белинскому реализм, который нашел себе сочувственную поддержку в левом гегельянстве, а дома — в воззрениях Герцена. Белинский все теснее и теснее сближался с автором «Писем о природе». «Книга Фейербаха “Сущность христианства” находилась тогда, — свидетельствует Анненков, — во всех руках». Можно сказать, что нигде она не произвела «такого потрясающего впечатления, как в нашем “западном” круге, нигде так быстро не упраздняла остатки всех прежних, предшествовавших ей созерцаний». Не избежал фейербахизма даже умирающий Станкевич *. Твердил Белинскому о Фейербахе В. П. Боткин. Один из приятелей перевел для Белинского несколько глав и важнейших мест из Фейербаха. По словам Анненкова, сообщающего этот факт, Белинский «был поражен и оглушен» **. Главным пропагандистом и «горячим истолкователем» книги Фейербаха явился Герцен, причём «открытый ею поворот в области метафизических идей» он связывал «с политическим переворотом, который возвещали социалисты, в чем Герцен опять сходился с Белинским» ***. Или, можно сказать, наоборот: Белинский сходился с Герценом ****.

Как это было и у Герцена, реализм и социализм идут у Белинского рядом, в самой неразрывной связи.

К середине 40-х годов он увлечен естествознанием и позитивизмом. Он — «без ума» от физиологических работ Литтре *****. В Париже Белинский приобретает для своей дочери великолепные зоологические альбомы, и Анненков прибавляет по этому поводу, что «он мечтал о воспитании дочери на естествознании и точных науках» *****. Но Огюст Конт¹, с которым Белинский познакомился по статье Saisset в «Revue des Deux Mondes», не произвел на него сильного впечатления. «Конт — человек замечательный; но чтоб он

* См. мою статью «Идеализм Н. В. Станкевича» в журнале «Вестник Европы», 1915 г., февр., стр. 250 и сл.

** «Замечательное десятилетие». — «Литературные воспоминания» стр. 284, прим. 1.

*** Ibidem, стр. 284.

**** О фейербахизме Белинского — ср. в статье А. Машкина «Фейербах в истории русской критики». Сборник «Памяти Л. Фейербаха», Харьков, 1922.

***** Письма Белинского, III, 165. — Статья Е. Литтре «Важность и успехи физиологии» была напечатана в «Современнике» 1847 г., т. I, ч. II, стр. 125–164 (отдел «Науки и искусства»).

***** П. В. Анненков. Статья «Замечательное десятилетие». Воспоминания и критич. очерки, III, 221. Впрочем, в письме к Боткину от 6 февр. 1847 г. Белинский признавался, что, при всем интересе к естественным наукам, он не стал бы заниматься ими: сильнее всего интересуется он «нравственным миром человека».

был основателем новой философии — далеко кулику до Петрова дня! Для этого нужен гений, которого нет и признаков в Конте, — писал он Боткину 17 февраля 1847 года. — Конт уничтожает метафизику не как науку трансцендентальных нелепостей, но как науку законов ума; для него последняя наука, наука наук — физиология. Это доказывает, что область философии так же вне его природы, как и область истории, и что исключительно доступная ему сфера знания есть математические и естественные науки». Белинский понимает зависимость деятельности ума от деятельности мозга, но полагает, что одной физиологии недостаточно: «Законы ума должны наблюдаться в действиях ума», а это — дело логики. «Метафизику к черту: это слово означает сверхнатуральное, следовательно, нелепость, а логика, по самому своему этимологическому значению, значит и *мысль*, и *слово*... Освободить науку от призраков трансцендентализма и *theologie**, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического — вот что сделает основатель новой философии, и вот чего не сделает Конт, но что, вместе со многими подобными ему замечательными умами, он поможет делать *призванному*. Сам же он слишком узко построен для такого широкого, многообъемлющего дела. Он реактор, а не зиждитель, он зарница, предвестница бури, а не буря, он одно из тревожных явлений, предсказывающих близость умственной революции, но не революция».

Интересен этот отзыв Белинского о философии Ог. Конта, которая уже оказывала свое влияние на русские умы (вспомним Боткина, а потом Валериана Майкова и Вл. Милютина), но еще интереснее его общее отношение к начинавшейся «умственной революции». Белинский вполне готов принять ее лозунги.

Способный на самую восторженную веру и, действительно, еще недавно с философским пафосом говоривший о Боге, Белинский становится чуть не атеистом. В письме к Герцену от 26 января 1845 года по поводу «Парижского Ярбюхера» (т. е. журнала «*Deutsche Jahrbücher*», издание которого, вследствие гонений саксонского правительства, было перенесено в Париж) Белинский заявляет: «Истину я взял себе, — и в словах “Бог” и “религия” вижу тьму, мрак, цепи и кнут». В этом году с критиком познакомился Достоевский и приходил в ужас от его религиозного вольнодумства. Не искажая истины, но преувеличивая дело, Достоевский в письме к Страхову утверждал, что Белинский «ругал» Христа. Впрочем, нам нет надобности слишком гадать по этому поводу, стоит только обратиться к знаме-

* Т. е. «теологии», богословия.

нитоному письму Белинского, которое адресовано Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (от 3–15 июля 1847 г.). Белинский строго отмежевывает Христа от христианской церкви, тем более от православной. Христос «первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии». Церковь была и остается «поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми». В частности, православная церковь «всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма». Следовательно, вся история христианской церкви как определенного института есть история искажения Христова учения, но самые идеи остались жизненными. Смысл Христова слова «открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки погасивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, более сын Христа, плоть от плоти его и кость от кости его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты, патриархи!» Русское духовенство уронило себя до такой степени, что «находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника». Белинский склонен самым решительным образом отрицать религиозность, которую так настойчиво приписывают русскому народу славянофилы и Гоголь. По натуре это — «глубоко-атеистический народ». «В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности». С успехами цивилизации суеверие пройдет, но религиозность, если она есть «в натуре» человека, уживается и с образованностью. Во Франции, например, среди людей вполне просвещенных — много искренних католиков; мало того, многие французы, «отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога». Русский народ — не таков: «мистическая экзальтация не в его натуре; у него, слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем». Отдельные исключительные личности, «отличившиеся такою холодною аскетическою созерцательностью», в счет не идут. Даже факт существования раскола и сект ничего не доказывает: эти религиозные секты — «столь противоположны, по духу своему, массе народа и столь ничтожны перед нею числительно». Россия видит свое спасение «не в мистицизме, не в аскетизме, не в пизтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства,

столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение».

Ясно, что Белинский не только отрицает церковное христианство, но и проникнут «глубоко-атеистическим» настроением, исключающим возможность веры в «какого-то бога». В то же время с благоговением говорит он об истинном смысле Христова слова. Философское движение XVIII века, а следовательно, можем мы прибавить, и молодая социалистическая мысль продолжают начатую Христом проповедь «свободы, равенства и братства».

Еще в письме к Боткину от 1 марта 1841 года Белинский пламенно сформулировал символ своей социальной веры: «Социальность, социальность — или смерть! — вот девиз мой! — что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?.. Прочь же от меня блаженство, если оно — достойное мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими: братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей... И это общество, на разумных началах существующее, явление действительности!.. Я ожесточен против всех субстанциальных начал, связывающих в качестве верования волю человека». И настанет время, убежденно продолжает Белинский, когда «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос даст свою власть Отцу и Отец — Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новой землей».

Гегель конституционную монархию считал идеалом государства. «Нет, не должно быть монархов, — восклицает Белинский в другом письме к Боткину того же года (от 27–28 июня), — ибо монарх не есть брат людям, он всегда отделится от них хоть пустым этикетом, ему всегда будут кланяться, хоть для формы. Люди должны быть братья, и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства... Каковы же французы, которые без немецкой философии поняли то, чего немецкая философия еще и теперь не понимает! Черт знает, надо мне познакомиться с сен-симонистами. Я на женщину смотрю их глазами».

Белинский весь уходит в отрицание. Его героями становятся «разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон (Каин) и т. п.». Кощунство Вольтера для него отраднее, «чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было!»

Обширная «История революции 1789 года» Тьера, сочинение Каба «Le peuple», книга Луи Блана «Histoire de dix ans» и подобные произ-

ведения открывали перед Белинским «новый мир». «По возвращении моем в 1843 году в Петербург, — сообщает Анненков, — почти первым словом, услышанным мною от Белинского, было восторженное восклицание о книге Луи Блана». Как бы сильный ток электрической энергии пробежал по страстному организму Белинского; он восторженно и с увлечением ринулся в ту сторону, откуда лились «первые лучи социальной метафизики».

В конце 1841 года Белинский уже категорически констатирует происшедшую в нем перемену. «Я теперь в новой крайности, — писал он, — это — идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания!.. Все из нее, для нее и к ней... Она поглотила и историю, и религию, и философию». В период от 1842 до 1846 года социализм делается для Белинского действительно подлинной религией жизни, или, как он сам выражается, «религиозным знанием и сознательной религией» (письмо к Н. Бакунину от 7 ноября 1842 г.). С обычной решительностью отвергает он «философское филистерство» Гегеля; душа наполняется тревогою за многочисленные «жертвы условий жизни и истории», за участь каждого из братии по крови. Личность человеческая, ее конкретное благо — вот пункт, от которого Белинский боялся сойти с ума: так много страстности и любви вкладывал он в разрешение этой проблемы, связывая ее с общими интересами человечества, как «гражданин вселенной». В статье 1842 года, посвященной разбору «Руководства к всеобщей истории» Лоренца, Белинский впервые печатно выразил свои новые убеждения*. Усиленно подчеркивается здесь связь личности с обществом и человечеством, этой «идеальной личностью». Настоящее позволяет делать посылки к будущему состоянию человечества, когда «свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу, и — будет новая земля и новое небо». В таких неопределенных терминах приходилось Белинскому высказываться в статьях то, что кипело в его груди. Цензурный пресс так сдавливал журналистику, что от самой сочной статьи оставался сухой скелет общих фраз**. И Белинский, скрепя сердце, обходил опасные вопросы или брал их с таких сторон, которые наименее могли возбуждать подозритель-

* На принадлежность этой важной статьи Белинскому указал Иванов-Разумник.

** В письмах Белинский без конца жалуется на строгости цензуры. Между прочим, когда он уже находился в полосе своего социализма, он жаловался Терпену (26 янв. 1845 г.): «...ведь я по-прежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А черт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать? — мертвый капитал!»

ность аргусов. Так, в аспекте социалистического миропонимания рассматривает Белинский вопросы о положении женщины, о любви и браке и решает их в духе сен-симонистов и Ж. Санд и, значит, в том же направлении, что Герцен.

В более общем виде трактует он социальную проблему по поводу русского перевода «пресловутого» романа Эж. Сю «Парижские тайны» (перевод В. Строева, 1844 г.). Критик — не высокого мнения о литературной деятельности и таланте французского романиста, но его произведение «*Les mysteres de Paris*» имело большой успех в России, как и везде. «Говорить же о предметах общего интереса — дело журнала».

«Основная мысль этого романа истинна и благородна, — пишет Белинский. — Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему золотого тельца обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетой — на порок и преступления». Мещанское общество, погрязшее в «торговых и промышленных оргиях», оскорбилось и обвинило автора в безнравственности. Этого и нужно было ожидать от Франции после 1830 года. Рабочий класс «в безумной ревности» лил свою кровь на баррикадах, но плодами революции воспользовалось среднее сословие (*bourgeoisie*). Его представители по трупам рабочих ловко добрались до власти. А бедный народ тотчас же после июльских происшествий с ужасом увидел, «что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего. А между тем вся эта историческая комедия была разыграна во имя народа и для блага народа! Аристократия пала окончательно; мещанство твердой ногой стало на ее место, наследовав ее преимущества, но не наследовав ее образованности, изящных форм ее жизни, ее кровного презрения, высокомерного великодушия и тщеславной щедрости к народу». Политический переворот не решил вопроса социального. «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (*propriétaire*) и капиталистом, тот и другой судятся одинаким судом и по вине наказываются одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство!» Будто легче умирать голодному с хартией в руках, за которую пролито столько крови, нежели без хартии, но и без жертв, которых она требует. «Бедствия народа в Париже выше всякой меры превос-

ходят самые смелые выдумки фантазии». Но искры добра, утешает критик, еще не погасли во Франции: они под пеплом и ждут только благоприятного ветра. Народ — дитя, но он мужает. «Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде». Он уже не верит говорунам и законодателям, и не станет более проливать кровь за пустые слова и чужие права. «В народе уже быстро развивается образование, и он уже имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отделяясь от него ни одеждой, ни образом жизни». Есть у народа и немногие «истинные» друзья: это люди, которые «слили с его судьбой свои обеты и надежды, которые добровольно отреклись от «всякого участия на рынке власти и денег». Некоторые из них пользуются европейской известностью как ученые и литераторы, но живут и трудятся в добровольной бедности. Их честный голос страшен врагам народа, «как звук трубы судной». Народ сделался во Франции «вопросом общественным, политическим и административным». Эж. Сю не принадлежит к истинным друзьям народа. Он — не более как буржуа; в народе видит просто «голодную, оборванную чернь»; он желал бы, чтобы чернь сделалась сытой, опрятной и приличной, а мещане «оставались бы по-прежнему господами Франции, образованнейшим сословием спекулянтов». Сю не подозревает, что зло скрывается не в отдельных законах, «а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества», что именно у народа есть «будущее, которого уже нет у торжествующей и преобладающей партии, потому что в народе есть вера, есть энтузиазм, есть сила нравственности».

С литературной стороны «Парижские тайны» кажутся Белинскому нелепой мелодрамой, но роман ребром ставит перед читателем вопрос, о недостатках французского общественного устройства. Он — по плечу десяткам и сотням тысяч читателей, «и потому эти десятки и сотни тысяч читателей теперь думают о том, о чем прежде не думали, и знают то, чего прежде не знали».

Изложенная мною статья о романе Сю не оставляет ни малейшего сомнения в том, каких социальных воззрений держится критик. В письмах к друзьям Белинский, естественно, выражается определеннее и решительнее. Человек «экстремы», Белинский в качестве неопита социализма готов был проповедовать революцию и террор. Делясь о Боткинской еще в 1841 году своей фанатической верой в «социальность», он доказывал, что «нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу». «Но смешно и думать, — продолжает он, — что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Да и что кровь тыся-

чей в сравнении с унижением и страданием миллионов. К тому же: *fiat justitia — pereat mundus!*» *. И в другом письме (к Боткину же) читаем: «Тут нечего объяснять: дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов».

Проходит около пяти лет, Белинский совершает поездку по России (в 1846 г.) и его радикализм начинает остывать. Трезвое чувство действительности помогло ему критически отнестись к идеям утопического социализма, особенно в их применении к России. Проследивая пути национального развития русской литературы и жизни, Белинский в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года» коснулся общего вопроса об отношении народного к общечеловеческому (здесь, между прочим, он возражал Вал. Майкову на его теорию народности). Критик настроен как-то особенно объективно. Спокойно и справедливо взвешивает он учение славянофилов, ибо «все на свете только относительно важно или неважно, велико или мало, старо или ново». Истина и добродетель «как понятие, как мысль» безусловны и вечны, но «как осуществление, как факт» относительны. «Идея истины и добра признавалась всеми народами, во все века; но что непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью или злом для другого народа, в другой век. Поэтому безусловный или абсолютный способ суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный; теперь он называется абстрактным, или отвлеченным». Белинский будет судить конкретно и относительно, принимая во внимание показания истории и современной действительности. Конкретно существуют не Человек, а личность, не Человечество, а народности. «Народности суть личность человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактным, словом без содержания, звуком без значения». «Человеческое присуще человеку потому, что он — человек, но оно проявляется в нем не иначе как, во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе, а во-вторых, на основании его национальности». Человеческое приходит к народу «не извне, а из него же самого, и всегда проявляется в нем национально». Борьба человеческого с национальным — в сущности, не более как риторическая фраза. Даже заимствования одним

* То есть «да будет справедливость — хотя бы погиб мир!»

народом у другого совершаются «национально». «Что человек без личности, то народ без национальности». Резко выраженная национальность не мешает народам сближаться друг с другом. Наша эпоха есть «по преимуществу время сильного развития национальностей», и вместе с тем со дня на день возрастают «сочувствие и любовь народа к народу. Это утешительное, гуманное явление есть результат просвещения». Прогресс жизни внутри самого народа совершается путем борьбы нового со старым. Новое назревает постепенно и долго живет оно в народе бессознательно, как возможность. Раньше других сознают потребность нового так называемые великие люди, гении. Их производит народ, как почва — растения. «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ». Но так как масса отличается косностью, то великому человеку как носителю нового и будущего приходится бороться с массой. «Борьба гения с народом не есть борьба человеческого с национальным, а просто-напросто — нового со старым, идеи с эмпиризмом, разума с предрассудками». Если посмотреть на дело исторически и объективно, то борьба эта не только неизбежна, но и полезна. Решающая инстанция — все-таки народ, масса. «Противодействие массы гению необходимо: это с ее стороны экзамен гению; если он возьмет свое, ни на что не смотря, значит, он точно гений, т. е. в самом себе носит свое право действовать на судьбы своего отечества. Иначе всякий резонер, всякий мечтатель, всякий философ, всякий маленький великий человек стал бы обходиться с народом, как с лошадью, направляя его по воле своих прихотей и фантазий то в ту, то в другую, сторону...» *

Эти исторические и социологические предпосылки понадобились Белинскому не только для того, чтобы возразить Вал. Майкову на его абстрактную теорию народности, но и для того, чтобы найти критерий для оценки тех социальных идей, которые вырабатывала западноевропейская мысль и которые усваивались теперь русской интеллигенцией, разными «мечтателями» и «философами». Вслед за приведенными рассуждениями о народности Белинский заговорил о «новых великих вопросах», т. е. о социализме.

«Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности,— заявляет Белинский.— Перенесенные на по-

* Жизнь народа, вразумлял Белинский славянофилов, защищая, дело Петра I (в том же «Взгляде на русскую литературу 1846 года»), не есть утлая лодочка, которой каждый может дать произвольное направление легким движением весла.

чуву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения». Интересоваться великими вопросами времени «можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми» *. «Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль дон-кихотов, горячася из-за него. Этим мы заслужили бы скорее насмешки европейцев, нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя — вот где должны мы искать и вопросов, и их решения. Это направление будет плодотворно, если и не будет блестяще». Ему по душе социальные воззрения Милютина: его направление — «дельное и совершенно гуманное, без прекраснодушия» **.

Излишне напоминать, что видели «вокруг себя» русские люди и чем прежде всего надлежало заниматься им, гражданам крепостнической и самодержавной России. Славянофилы лелеют мечту о великой миссии русского народа, которому «предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание». «Подобная мысль, — говорит Белинский, — как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания». Но критик рекомендует воздерживаться от произвольных «гаданий и мечтаний».

Во взгляде на народ сошлись у нас славянофилы и некоторые из социалистов. Во время заграничного путешествия в 1847 году Белинский встретился в Париже с своим другом, М. А. Бакуниным. Еще не так давно Бакунин стоял во главе московских гегельянцев и своей суровой ортодоксальностью положительно угнетал Белинского. Дело дошло до открытой ссоры: Белинскому удалось, наконец, освободиться от деспотической опеки философа-фанатика и найти выход в жизнь, в «социальность». В ту же сторону эволюционировал и Бакунин, но сделал это таким стремительным скачком, что превзошел самого «неистового Виссариона». По крайней мере, в 1847 году Белинский оказался «правее» своего «верующего друга», как он с этих пор именует Бакунина за его безоглядную веру в социализм

* Между прочим, латинское изречение: «Homo sum, et nihil humni a me alienum puto» (т. е. «я — человек, и ничто человеческое, полагаю, мне не чуждо») было выставлено Фейербахом в качестве одного из тезисов в его сочинении «Grundsätze der Philosophie der Zukunft» (1843 г.). Плещеев взял его для эпиграфа к своим стихотворениям, изданным в 1846 г. Не называя имени автора, Белинский в том же обзоре упоминает об этом издании; довольно сухо встретил он поэта-петрашевца.

** Белинский. Письма, III, 272 (письмо к В. П. Боткину от 5 ноября 1847 г.).

и в народную революцию*: Спор с Бакуниным о народе живо напоминал Белинскому славянофилов. «Лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг; они высосали эти понятия из социалистов», — писал Белинский Анненкову 15 февр. 1848 года. Пожалуй, и сам критик склонялся к тем же взглядам. Но славянофилы и особенно Бакунин помогли ему «сбросить с себя мистическое верование в народ».

Народ должен быть освобожден, но как? Внимательно следит Белинский за всем, что имеет какое-нибудь отношение к уничтожению крепостного права. В конце концов, думает он, освобождение совершится «через личности», в результате известного органического развития страны. Утопизм, как и всюду, — малопригодное средство.

Пребывание за границей в 1847 году, откуда Герцен уже посылал свои первые письма, дало Белинскому возможность ближе приглядеться к французским социалистам и к состоянию Франции. Видимо, многое продумывалось в тесном общении с Герценом. Письма последнего из Франции, особенно четвертое, писались, как заявляет сам Белинский (к Боткину в декабре 1847 г.), при нем, на его глазах, «вследствие тех ежедневных впечатлений, от которых краснели и потупляли голову честные французы, да и мошенники-то мигали не без замешательства». Впечатления были одни и те же, и идеи оказались сходными.

Мысли Герцена как нельзя более припались по сердцу Белинскому. Когда московские друзья (Грановский, Корш, Боткин и др.) по разным основаниям стали нападать на «Письма» Герцена, Белинский решительно взял его сторону и в своих взглядах на буржуазию и социализм оказался вполне солидарным с ним.

Попав за границу, Белинский вообще, как замечает Анненков, «обнаружил воззрения на западную культуру, близко подходившие к воззрениям Герцена»**. Только здесь понял Белинский «ужасное значение слов: *пауперизм* и *пролетариат*» (письмо к Боткину от 7 июля 1847 г.). Подобно многим другим, Белинский не мог не противопоставить в этом отношении Запад и Россию. «В России, говорил он, — эти слова не имеют смысла. Там бывают урожаи и голод местами, там есть плантаторы-помещики, третирующие своих крестьян, как негров, там есть воры и грабители-чиновники; но нет бедности, хотя нет и богатства... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти». Настоящий пауперизм, подлинный

* Бакунин сам называл себя мистиком и «верующим». «Литерат. воспоминания» П. В. Анненкова, 319.

** Д. В. Анненков. «Литерат. воспоминания», стр. 313.

пролетариат можно видеть только здесь, на Западе, в частности в несчастной Силезии. И, конечно, с неизбежностью всплывал вопрос о буржуазии. Белинский не может согласиться со взглядом, выраженным Луи Бланом в «Истории французской революции» (*Historie de la révolution française*)*: «Буржуази** у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается, и что ее успехи — ее законное приобретение» (*ibidem*). Значит, Белинский был уже подготовлен к объективно-историческому пониманию буржуазии, но все же согласиться всецело с Боткиным он не мог. «Я допускаю, — писал Белинский Боткину в декабре 1847 года, — что вопрос о *bourgeoisie* — еще вопрос, и никто пока не решил его окончательно, да и никто не решит — решит его история, этот высший суд над людьми. Но я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... и породило оргию промышленности. Все в нем мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости». «Я согласен, что одною буржуазии нельзя объяснить *à fond**** и окончательно гнусного, позорного положения современной Франции, что это вопрос страшно сложный, запутанный, и прежде всего и больше всего — исторический, а потом уже какой хочешь — нравственный, философский и т. д. Я понимаю, что буржуази явление не случайное, а вызванное историею, и что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги. Я даже согласился с Анненковым, что слово *bourgeoisie* не совсем определено по его многоместительности и эластической растяжимости». Только рабочий, *ouvrier*, не называется буржуа, а затем этот термин применяется к людям самых разнообразных социальных положений: тут и крупные капиталисты, и всякие другие капиталисты, и собственники, и даже люди, «стоящие за цензом»; сами защитники народа, как, например, Робеспьер и Сен-Жюст, принадлежат к буржуазии. Белинский полагает, что для правильности суждения надо различать буржуазию в периоде ее борьбы за права и буржуазию торжествующую. В первом случае буржуазия искренно не отделяла своих интересов от интересов всего народа. Другое дело — буржуазия торжествующая, буржуазия у власти. И тут нужно

* В 1847 году вышел уже II том этого сочинения.

** Белинский употреблял это слово в его французском произношении.

*** То есть «до основания».

расчленять понятие: крупные буржуа, капиталисты, заправляющие всей жизнью страны, это — одно, средний класс это — другое. В сильных и резких выражениях говорит Белинский о больших капиталистах, торгашах. «Это — люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов, — далее этого они ничего не видят». Ради наживы буржуа пользуется всеми средствами, все превращая в свое орудие, без малейшего сострадания: «Детей заставляет гибнуть в работе на себя, прижимает пролетария страхом голодной смерти, снимает за долг рубище с нищего, пользуется развратом, служит ему и богатеет от бедняков». Вот на кого следует нападать, «как на чуму и холеру современной Франции», а не на буржуазию вообще. «Средний класс всегда является великим в борьбе, в преследовании и достижении своих целей». В Англии средний класс представлен нижней палатой, «а в действиях этой палаты много величавого, а патриотизма просто бездна». Но важно то, что Англия держит свою буржуазию в известных границах: среднее сословие «контрабалансируется» здесь аристократией, «оттого английское правительство столько же государственно, величаво и славно, сколько французское мизерабельно, низко, пошло, ничтожно и позорно». Белинский предвидит наступление такого момента, когда в Англии кончится время аристократии и народ «будет контрабалансировать среднему классу». Если этого не произойдет, то Англия «представит собою, может быть, еще более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция». Бакунин, без дальних рассуждений, утверждает, как аксиому, что буржуазия — зло, что ее нужно совершенно уничтожить. Да, горе государству, когда во главе его стоит одна буржуазия. «Лучше заменить ее ленивою, развратною и покрытою лохмотьями сволочью: в ней скорее можно найти патриотизм, чувство национального достоинства и желание общего блага». Но трудно принять мнение Бакунина, пока на опыте не увидишь государства, «благоденствующего без среднего класса». Белинский отказывается «заниматься решением a priori такого вопроса, который может быть решен только опытом», и хочет держаться почвы фактов и истории. «Пока буржуазия есть и пока она сильна, — я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычество капитала в его тирании над трудом».

Продолжая вникать в вопрос, Белинский еще более укрепляется в том мнении, что капитализм — необходимая стадия в экономическом и политическом развитии каждой страны, в том числе

и России. В письме от 15 февраля 1848 года, в одно из последних своих писем, Белинский признается, что теперь у него нет разногласий с Анненковым по вопросу о буржуазии. «Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, а народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль». По отношению к России вопрос получает аналогичное решение. Верующий друг, т. е. Бакунин, доказывал Белинскому, «что сам народ должен все для себя сделать», и «что избави-де бог Россию от буржуазии». Такой взгляд кажется Белинскому «наивной аркадской мыслью». «Мистическое верование в народ» теперь ему чуждо. Он ждет для России нового Петра Великого и, с другой стороны, убежден, «что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазии». Сильные личности из буржуазии станут во главе прогресса*.

Таким образом, Белинский да и Боткин предрекают появление буржуазии, в первую голову дворянской, как бы не замечая, что соответствующий процесс уже начался.

Как же следует понимать подобные заявления Белинского? Есть ли это полная капитуляция перед фактами и совершенный отказ от социализма? Нет, в цитированном мною письме к Боткину от декабря 1847 года Белинский говорит, что «искры жизни и таланта» он находит только в оппозиции, но не в «паршивой парламентской оппозиции, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партии», а в той оппозиции, «для которой bourgeoisie — сифилитическая рана на теле Франции». Не только консерватором, но и либералом Белинский не сделался. Подобно Герцену, он недоволен французскими социалистами, но именно потому, что эта «добродетельная партия» только что шумлива, а «в сущности бессильна и ничтожна», что «взраченные социалисты» это — какие-то насекомые, «вылупившиеся из навозу, которым завален задний двор гения Руссо»; это — «новые мусульмане, у которых Руссо — Алла, а Робеспьер — пророк его». Руссо и Вольтер кажутся ему более

* Так именно следует понимать внутреннюю связь мыслей, когда Белинский, защищая значение буржуазии, вдруг вспоминает Петра Великого и говорит о роли личности. «Где и когда народ освободил себя? — спрашивал он. — Всегда и все делалось через личности». Разбираясь в этой «путанице», П. Б. Струве («На разные темы», 115) справедливо предполагает, что Белинскому, очевидно, буржуазия казалась «носителем культуры индивидуального начала в противоположность народу». Исторически так оно и было: в Англии и Франции буржуазия, действительно, боролась за права личности, но этим фактом не решается философско-историческая проблема личности (роль личности в истории).

крупными фигурами, чем современные социалисты. Выше их стоит и Литтре: недаром «социальные и добродетельные ослы не в состоянии понять его» (к Боткину 6 февраля 1847 г.).

Самая резкость выражений, употребляемых Белинским, свидетельствует о том, как велики его требования от жизни и как страстно относится он к теперешнему бессилию социализма. Да, Белинский отрезвился; он стал смотреть на вещи исторически и критически; утопия уступает место социологическому реализму. И можно, пожалуй, согласиться с выводом Иванова-Разумника, что «Белинский разочаровался только в *утопическом* социализме, но так как тогда иного и не было, то ему казалось, что он отошел от социализма вообще». «Отрицая утопический социализм, — говорил Г. В. Плеханов, — мысль Белинского работала в том же самом направлении, в каком уже начала тогда работать *революционная мысль* Запада». Социализм Маркса и Энгельса «был ответом на все теоретические запросы Белинского»*.

Из сопоставления отдельных суждений Белинского, высказанных в письмах, получается такое впечатление, что, с одной стороны, он желает чего-то более конкретного, чем утопизм, а с другой — и более широкого. И Белинский не отгоняет от себя мысли, весьма распространенной в его время, о том, что русскому человеку предстоит

* А. Н. Пыпин в своей монографии о Белинском (2-е изд., 384 стр.) утверждал, что «настоящим приверженцем» социализма Белинский не бывал (как это некоторые утверждали, особенно желая тем сделать ему лишний попрек) и, конечно, мало вникал в его теоретические построения... Из тогдашнего социализма производила на него впечатление именно та критическая точка зрения, с которой сам Белинский начинал наблюдать общественную жизнь и устройство». Факты, как видим, уполномочивают нас на более решительный вывод. Однако недавно Б. И. Горев снова поставил под вопрос социализм Белинского («Белинский и социализм» в журн. «Печать и революция». 1923, кн. IV). По его мнению, «Белинский не был социалистом в настоящем смысле этого слова»: «Увлечение социализмом было лишь *первой смутной и абстрактной формой политического радикализма* Белинского, его интеллигентской жажды буржуазной, европейской политической свободы, — формой, которая именно по своей расплывчатости, неопределенности и отвлеченности отвечала недифференцированности и мертвящему застою русской жизни». Увлечение Белинского социализмом, так <им> обр<азом>, признается, только его социализм не считается социализмом «в настоящем смысле этого слова». Основательные возражения против такого взгляда высказал Г. Лелевич в статье «Был ли ранний русский социализм социализмом?» («Печать и революция». 1924; кн. 11). Ошибка Горева, доказывает Лелевич, состоит в том, что он, как и некоторые другие, подходит к оценке утопического социализма «с критерием современного коммунизма» и научного социализма. Если же помнить об «исторической перспективе», то «Белинский был одним из пионеров утопического социализма в России, причем, как и Герцен, понял недостаточность и необоснованность утопизма».

выполнить нечто значительное, достойное вольного размета его души. 8 марта 1847 года он писал Боткину: «Русская личность пока — эмбрион, но сколько широты и силы в природе этого эмбриона, как душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость! Она боится их, не терпит их, больше всего — и хорошо, по моему мнению, делает, довольствуясь пока ничем, вместо того, чтобы закабалиться в какую-нибудь дрянную односторонность... Русак пока, действительно, — ничего; но посмотри, как он требователен, не хочет того, не дивится этому, отрицает все, а между тем чего-то хочет, к чему-то стремится».

Белинскому легко было утверждать это, потому что в самом себе он находил указываемые черты русской национальной психологии, о чем определенно и говорит в том же письме.

В одном разговоре с Грановским, как вспоминает Кавелин *, Белинский «даже выражал славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа». Но Белинский, тотчас же оговаривается Кавелин, «ясно понимал, что тогдашнее положение наше, с ног до головы, ненормальное...» И действительно! Белинский не отрекался от сходства своих идей с славянофильскими, но подчеркивал и разницу. Возмущаясь «восторженными патриотами, выезжающими вечно на междометия или на квасу да каше», он твердо повторяет в письме к Кавелину (22 ноября 1847 г.): «Как и вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры; не употребляю их как неопровержимые доказательства».

Поступать так, значило бы впасть в утопизм, а Белинский желает держаться конкретной почвы. Подобно всем передовым русским людям, он не мог не видеть, как это формулировано в знаменитом письме к Гоголю от 3–15 июля 1847 года, — что «самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» **.

* А. Н. Пыпин. «Белинский, его жизнь и переписка». Глава VIII.

** Белинский так дорожил возможностью этих конкретных реформ, особенно освобождения крестьян, что чрезвычайно резко порицал тех «безмозглых либералишек», вроде Шевченка, которые своими выходками раздражают правительство и делают его подозрительным. «Это враги всякого успеха». Говоря это, Белинский верил тогда, что Николай I искренно приступает к уничтожению крепостного права (письмо к Анненкову из Берлина от начала декабря 1847 г.).

* * *

Остается теперь рассмотреть вопрос о «марксизме» *В.Г. Белинского*. Проф. И. И. Иванов в «Истории русской критики» (II, 325–326) без колебаний утверждает, что, получив книжку «Парижского Ярбюхера», т. е. журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher», Белинский «познакомился с идеями Маркса» и «страстно ими увлекся, хотя не всеми: усвоил преимущественно оппозиционную, протестующую стихию новой доктрины». Эту мысль (но без ссылки на проф. Иванова) повторил П. Орловский (В. В. Боровский) в статье «К истории марксизма в России» *: «Влияние Маркса на русскую общественную мысль начинает сказываться весьма рано. Еще первые шаги его — именно издание единственного выпуска “Deutsch-Französische Jahrbücher” в 1844 году — обратили на себя внимание Белинского». Приведя по Пышину известную нам выдержку из письма Белинского от 26 янв. 1845 года **, П. Орловский, для дальнейшего подкрепления своего взгляда, высказывает еще следующие соображения: «Имя Маркса было, вероятно, известно друзьям Белинского и от Бакунина, который в 1844 году лично познакомился с Марксом и Энгельсом в Париже, и от Герцена, оставившего следы своего не расположения к Марксу в “Былом и Думах” (глава “Немцы в эмиграции”). Этим объясняется, по-видимому, и тот интерес к Марксу, который проявил П. В. Анненков, попав за границу. Впрочем, это знакомство с Марксом основано почти исключительно на письмах и личных впечатлениях, к тому же большей частью лиц пристрастных. Ранние самостоятельные работы Маркса конца 40-х годов не были известны в России».

Проф. Иванов и П. Орловский неточно представляют себе то влияние, какое тетрадка «Deutsch-Französische Jahrbücher» могла оказать на Белинского. Прежде всего самые статьи Маркса, напечатанные в этом журнале, еще не дают нам основания говорить о «новой доктрине». Его учение — еще в самом эмбриональном состоянии: знаменитый мыслитель в эту пору является в значительной степени сторонником Фейербаха. Влияние последнего очевидно даже в наиболее сильной и самостоятельной статье «К критике гегелевской философии права», где Маркс впервые заговорил о пролетариате и его исторической

* Сборник «Памяти Карла Маркса», стр. 353. — В состав «Литературных очерков» В. Воровского («Новая Москва», 1923) статья эта не включена.

** В таком виде: «Два дня я от нее (от тетрадки этого журнала. — П. С.) был весел — и все тут. Истину я взял себе».

роли. Сам Фейербах был также участником «Deutsch-Französische Jahrbücher». Фейербахизм можно считать господствующей нотой журнала, Фейербах еще заслоняет Маркса.

Так чем же Белинский мог увлечься, да еще «страстно»? Конечно, не критикой Гегеля вообще. Его разрыв с Гегелем совершился уже давно и, между прочим, не без влияния того отрывка из «Hallische Jahrbücher» (предтеча «Deutsch-Französische Jahrbücher»), который в 1841 году прислал ему Боткин. Отрывок этот, как сообщал Белинский в письме к Боткину от 1 марта 1841 года, «очень порадовал» его и «даже как будто воскресил и укрепил на минуту». Дело в том, что и сам он «давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий», что абсолютного значения она не имеет. И далее следует известный протест против Молоха-Общего, прощание с «философским колпаком» Гегеля и требование «отчета во всех жертвах условий жизни и истории». В 1844 году Белинский мог с удовольствием читать критику гегелевской философии права, но каких-нибудь откровений найти здесь он уже не мог. Марксизма в собственном смысле этого слова было еще весьма мало. Что же остается? Послушаем самого Белинского. И для этой цели восстановим подлинный текст той цитаты из его письма, которую Пыпин, по цензурным соображениям, скомкал, но которой только и могли пользоваться как проф. Иванов, так и П. Орловский. В письме к А. И. Герцену от 26 янв. 1845 года читаем: «Кетчер писал тебе о Парижском Ярбюхере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах «Бог» и «религия» вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре». Итак, во-первых, увлечение нельзя назвать «страстным», а во-вторых, очевидно, «истина», которую Белинский взял себе, к доктрине собственно марксизма отношения не имеет. Это — идея Фейербаха, правда, усвоенная и Марксом, но в сущности давно уже известная Белинскому. Следовательно, имея в виду тетрадку «Deutsch-Französische Jahrbücher», вернее говорить о фейербахизме Белинского, чем об его марксизме. Но имя Маркса уже становится известным Белинскому и, разумеется, не забудется им. Совершенно справедливо указание П. Орловского, что о Марксе могли напоминать Белинскому и его друзья: Бакунин, Герцен и Анненков. Думается, из этих трех лиц особенное значение имел последний. Столкновение Герцена с Марксом относится к более позднему времени, и в переписке Белинского с Герценом имя Маркса не фигурирует. Бакунин сотрудничал и в журнале

«Deutsch-Französische Jahrbücher». Белинский знал, что его «верующий друг» круто повернул влево. Но, конечно, не от Бакунина мог Белинский дожидаться беспристрастных сведений о Марксе, который, по его словам (в письме к Анненкову от 28 дек. 1847 г.), «портит работников, делая из них резонеров». Назревал исторический конфликт Бакунина с Марксом. Да и сношения Белинского с Бакуниным в 40-х годах, когда последний перебрался за границу, становятся редкими, и случайными. В собрании писем Белинского за этот период нет ни одного письма к Бакунину. За границей в 1847 году Белинский встретился с другом и горячо с ним спорил. Расхождение было глубоким и принципиальным. Главная роль в деле знакомства Белинского с Марксом могла принадлежать только П. В. Анненкову, который в 1847 году жил за границей с больным Белинским. Анненков находился в сношениях с Марксом, пришивался к его взглядам, и нет ничего удивительного, что при случае мог прививать и своим друзьям реализм Маркса. Такой случай представился, когда Герцен стал печатать свои «Письма из Франции и Италии». Мы знаем, что по поводу этих писем в кругу Белинского разгорелся характерный спор о буржуазии, с участием Анненкова и Боткина. Постепенно Белинский склонился к той точке зрения, которую защищали Боткин и Анненков, — что, при известных исторических условиях, буржуазия имеет свое культурное и социально-политическое значение. Вот тут и есть некоторый резон поставить вопрос о проникновении идей Маркса в кружок друзей Белинского. В сороковых годах вопрос о буржуазии принадлежал к числу острых проблем европейской жизни. Буржуазия была в периоде своей борьбы с абсолютизмом. Как отнестись к этому факту? Большая часть социалистов видела в буржуазии лишь своего классового врага, не чаяла никакого добра от будущей ее победы и поэтому полагала, что трудовому народу, пролетариату, нет основания политически поддерживать буржуазию. Тактика Маркса в 1845–1847 годах была существенно иная. Абсолютизм, рассуждал он, общий враг буржуазии и пролетариата. Его нужно побороть прежде всего. Падение абсолютизма, конечно, упрочит господство буржуазии. Но это не ухудшит, а улучшит положение пролетариата. Буржуазия пойдет на большие уступки, чем абсолютная монархия: политические права рабочего класса расширятся. Кроме того, развитие торговли и промышленности повлечет за собою в качестве необходимого следствия сплочение рабочих, что само по себе является верным залогом победы. Когда буржуазная революция закончится, пролетариат, до сих пор стремившийся к одной с буржуазией цели, окажется в состоянии выдвинуть уже

свои собственные, классовые интересы и объявит войну своему вчерашнему союзнику. На сцене останутся только два социальных врага. Классовая борьба станет возможна в ее наиболее чистом виде. Рабочая революция начнется и будет продолжаться до тех пор, пока власть не перейдет к народу.

Жизнь внесла потом свои поправки в эту тактическую программу Маркса: ему пришлось на фактах убедиться в том, что революционность буржуазии довольно скромная, что, достигнув некоторых успехов, она пошла на соглашение с властью, предоставив пролетариат его собственной судьбе и даже вступив на путь открытой борьбы с ним. Но до революции 1848 года, в период, о котором у нас идет речь, Маркс рекомендовал пролетариату заключить союз с буржуазией, чтобы дружным натиском опрокинуть общего врага, и, следовательно, полагал, что в известной стадии политической жизни буржуазия есть сила положительная *. В письме к Анненкову (1846), вскрывая буржуазность прудоновского социализма, К. Маркс, конечно, не мог обойти вопроса о буржуазии в его теперешней постановке. Буржуазная форма производства, писал Маркс, есть «форма историческая и преходящая, как была таковою форма феодальная». Так как между производительными силами людей и их общественными отношениями образовалось странное несоответствие, то возникает социальное движение, которое потрясает современный мир, — война между классами одной нации и между различными нациями. Мелкая буржуазия, которую представляет собою Прудон, «будет составною частью всех подготовляющихся социальных революций» **.

Анненков принял деятельное участие в споре о значении буржуазии, который возник в кружке Белинского по поводу «Писем из Франции и Италии» Герцена. Роль Анненкова, видимо, была чрезвычайно существенной. С ним считались и сам Герцен, и Боткин, и Белинский. К сожалению, судить о том, что именно в это время говорил Анненков о буржуазии, мы можем лишь на основании писем Белинского и Боткина: голоса самого Анненкова мы не слышим. Видно, однако, что его мнение признавалось всеми очень веским. Он предостерегал друзей от одностороннего суда над буржуазией, выносится ли вердикт обвинительный или оправдательный.

Идеологом буржуазии, как мы знаем, выступал особенно В. П. Боткин.

* Ср. в книге П. А. Берлина «Карл Маркс и его время», стр. 64–87.

** «М. М. Стасюлевич и его современники». Т. III, стр. 462–463, 464; р. перевод на стр. 472–473, 474–475.

На заре русского марксизма, в 1897 году, мысли Боткина обратили на себя внимание П. Б. Струве, и он дал им интересное истолкование*.

Называя «прозрения» Боткина «гениальными», П. Б. Струве готов зачислить его в ряды первых русских марксистов: «С удивительной научной прозорливостью — без особенно напряженной работы мысли, а скорее благодаря какой-то гениальной интуиции — он частью, быть может, предвосхищал, частью схватывал налету важнейшие социологические обобщения, до которых дорабатывалась европейская наука в лице французских социалистов (Сен-Симона и сенсимонистов), и французских историков (Тьерри и др.), и великих немецких теоретиков социологии, Штейна и Маркса». Относительно известного сочинения Лоренца Штейна «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842) у нас имеются показания самого Боткина в письме к Краевскому от 29 дек. 1842 года, что он с увлечением читал эту «во всех отношениях превосходную» книгу, и она, несомненно, могла оказать значительное влияние на воззрения Боткина. Относительно Маркса дело обстоит более неопределенно. За отсутствием фактов, Струве делает лишь робкое предположение о возможности личного общения Боткина с знаменитым социологом или, по крайней мере, с его литературными произведениями. Догадка Струве не лишена вероятности, и Д. Б. Рязанов не прочь поддержать ее. Но, конечно, особенной близости между Боткиным и Марксом не могло быть**. Более правдоподобным представляется то предположение, что Боткин мог читать сочинения К. Маркса. Правда, у него нет ни одной ссылки на Маркса, но их нет и в письмах Анненкова 40-х годов. Наконец, с идеями Маркса Боткин мог познакомиться и со слов Анненкова. Летом 1846 года Боткин путешествовал с Анненковым по Тиролю и Ломбардии. Анненков («новый прозелит марксизма», находившийся еще «в периоде восторженного увлечения Марксом», преувеличивая дело, говорит Рязанов) «не преминул, конечно, рассказать своему другу о последнем откровении, о борьбе Маркса с немецкими истинными социалистами, не понимавшими значения буржуазии, промышленных интересов и т. д., и т. д.». Источник всех «гениальных прозрений» Боткина, продолжает Д. Б. Рязанов,

* Петр Струве. «На разные темы» (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902. Статья: «Г. Чичерин и его обращение к прошлому», стр. 106–120. Первоначально было напечатано в журн. «Новое слово», 1897, апр., стр. 50–62, под псевдонимом «Novus».

** Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов», стр. 97–98.

нетрудно найти в «Коммунистическом манифесте» (раздел третий главы о социалистической и коммунистической литературе). Все цитаты из писем Боткина, на которые ссылается Струве, относятся ко времени после путешествия с Анненковым, и понятны только, говорит Рязанов, «как отголосок и продолжение бесед с Анненковым». Причем, как водится в подобных случаях, Боткин «перевирает» схваченную налету премудрость, что не мешает ему с апломбом преподносить чужие мысли своим московским и питерским друзьям. Влияние Маркса, прямое или косвенное, было весьма «мимолетным», как и другие увлечения Боткина, этого «вечного мастурбатора идей, искусства, политики и пр.», по очень резкому выражению Герцена. К концу 1847 года весь «марксизм» Боткина выветривается и превращается в «пародию на марксизм».

Эти суждения Д. Б. Рязанова о Боткине нуждаются в некоторых поправках. Боткин никогда не был и не мог быть ортодоксальным марксистом, как не были марксистами ни на одну минуту ни Анненков, ни Белинский, никто из русских людей сороковых годов (исключая отчасти Сазонова). Значит, если угодно, и ранее конца 1847 года воззрения Боткина можно назвать лишь «пародией на марксизм». Но если проследить, как это сделано мною выше, постепенное развитие социальных взглядов Боткина, то окажется, что многое из того, что можно отнести к марксизму и влиянию Маркса, совсем иного происхождения*. Так, в письме от 8 ноября 1846 года, высказав совершенно «марксистскую» идею о законах, действующих в мире промышленном, он припоминает в этом отношении «великую заслугу Смита», а не Маркса. Да и сам Рязанов упрекает Боткина, что, перевирая идеи Маркса, он подменял их «плоскими афоризмами из Штейна». Затем, если считать, что наиболее правильно усвоил точку зрения Маркса на буржуазию именно Анненков, то, очевидно, Боткин и в этом случае был несколько «при особом мнении». Иначе Анненкову не приходилось бы «бранить» его за апологию буржуазии и даже «намыливать» ему голову**.

Внося этот корректив в слова Д. Б. Рязанова, я, конечно, не думаю отрицать категорически возможности некоторого влияния со стороны Маркса. Напротив, более чем вероятно, что марксизм, насколько он донесся до Боткина, мог прояснить и укрепить его «положительный» взгляд на тогдашний социализм и на роль промышленных интересов.

* Вспомним грубую ошибку, в которую впал И. И. Иванов по отношению к Вал. Майкову.

** Это выражение самого Боткина. См. «Анненков и его друзья», стр. 542, 554.

Нечто «марксистское» во всяком случае было в воззрениях Боткина, и П. Б. Струве имел основание приписывать ему «научный реализм» и боткинское «дай бог, чтобы у нас была буржуазия» сближать с своим изречением «пойдем на выучку к капитализму». «Я в свое время, признаюсь, — замечает Струве, — не подозревал, что по существу совершаю некоторый плагиат у Боткина и у Белинского»*.

Анненков, можно думать, разделял объективную, реальную точку зрения Маркса на буржуазию, с тою разницею, что, может быть, самые недостатки буржуазного строя казались ему не столь значительными, как Марксу. Боткин все же был ближе к Анненкову, Белинский в начале спора резко не соглашался с Анненковым и, очевидно, более был солидарен с Герценом. Бакунин принадлежал именно к тем социалистам, которые отрицали буржуазию без всяких оговорок. Выше я излагал этот исторический эпизод. В конце концов в кружке восторжествовало мнение Анненкова-Боткина. 15 февр. 1848 года в письме к Анненкову Белинский со свойственной ему прямою капитулировал перед своим оппонентом, которого он прежде в пылу полемики называл «консерватором», а теперь провозглашает «умным человеком», себя же «ослом в квадрате». И по обыкновению, заостряя свою мысль, заявляет: «Вся будущность Франции в руках буржуазии... ** Внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию». В своих письмах Белинский ни разу не называл имени Маркса. И это, конечно, не безразлично: Белинский никогда не скрывал своих симпатий и умел отдаваться своим привязанностям с беззаветным увлечением. Значит, Маркс ни на один день не был в числе его кумиров. Удивляться этому нечего: популярность Маркса в сороковых годах была еще весьма скромной. Но когда вникаешь в дебаты русских писателей о буржуазии, то чувствуешь здесь веяние духа той доктрины, которую вырабатывали Маркс и Энгельс. Отшатнувшись с так называемого утопического социализма, Белинский, конечно,

* Приведенное заявление Струве дало В. М. Фриче основание утверждать следующее: «“Легальный марксизм” 90-х годов ничего общего с социализмом не имел. То была прикрытая марксистской фразеологией идеология капитализма, идеология буржуазии, дружившая с истинным марксизмом только потому, что надо было покончить с народнической, мелкобуржуазной традицией. Боткин это — Струве 40-х годов. Он был “марксистом”, поскольку марксизм не отрицает капитализма как неизбежной стадии развития русского общества» (статья «Русский социализм в художественной литературе» — журнал «Печать и Революция», 1923, кн. II, стр. 67–68).

** Слово это тогда писали по французскому произношению.

не сделался «марксистом», но склад его воззрений к концу жизни был таков, что ему уже нетрудно было понять и марксизм. Переводя взгляды Белинского «на нынешний, наш язык», Г. В. Плеханов имел основание сказать, «что Белинский лучше тогдашних социалистов-утопистов понял историческую роль капитализма в Западной Европе и предугадал огромную важность его в деле устранения *нашего* старого, «патриархального быта жизни». Правда, Белинский вместе с тем отвергал способность к исторической самодеятельности не только в русском крепостном мужике, но и во французском пролетарии. «Это — большая ошибка. Но она совершенно ничтожна в сравнении с тою истиной, которая заключалась в новом его взгляде. Отрицая утопический социализм, мысль Белинского работала в том же самом направлении, в каком уже начала тогда работать *революционная мысль* Запада». Конечно, всякие гадания в подобных случаях легко могут оказаться ошибочными, но Плеханов все же считает возможным высказать предположение, что если бы Белинский дожил до нашего времени (Плеханов писал это в 1898 г.), то он «с обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами приветствовал бы начинающееся пробуждение русского пролетариата и, умирая, искренно позавидовал бы тем счастливым, которые доживут до дня его победы» *.

Чрезвычайно характерно, что, за исключением Герцена и Бакунина, большинство русских интеллигентов сороковых годов (Анненков, Боткин, Белинский) так настойчиво заговорили о важности буржуазии. Эта «буржуазность» — симптоматична. По верному замечанию П. Б. Струве, ее источники лежали «не в тех или других *книжных* влияниях, а в *историческом моменте*» **. Прогрессивная роль буржуазии не была закончена даже в самых передовых странах. Естественно было и русским людям возлагать известные социальные надежды на молодую русскую буржуазию. Но она рассматривалась еще как грядущая сила а не как уже действующий фактор. При этом усвоить вполне марксистский взгляд на буржуазию и пролетариат русские интеллигенты еще не могли: необходима была «известная комбинация общественных условий», благоприятная для восприятия новой социологической доктрины, а этих условий в тогдашней крепостной России еще не было.

* Г. Плеханов. «В. Г. Белинский». Речь, произнесенная весной 1898 г. на русских собраниях в Женеве, Цюрихе и Берне. Издание «Библиотеки для всех». Стр. 32–38. См. также его очерк в «Истории русской литературы XIX века», изд. Т-ва «Мир», вып. 9 (т. II), главу V.

** Петр Струве. «На разные темы», стр. 117.

Итак, рассмотрев данные, относящиеся к вопросу о русском марксизме сороковых годов, мы убедились, что многие, действительно, знали К. Маркса и понаслышке, и по его сочинениям, и даже лично, но полную готовность вступить в ряды марксистов обнаружил только Н. И. Сазонов. Некоторые отнесены к последователям Маркса по явному недоразумению (как Вал. Майков и Вл. Милютин).

Идеи социализма и коммунизма (эти понятия обычно различались) — не только на устах у русских людей сороковых годов, они входят в состав их убеждений. Замечательно при этом то, что ряд писателей проявил сознательно критическое отношение к так называемому утопическому социализму. В их социальных исканиях отчетливо выступает одна характерная тенденция — найти надежные пути к научной социологии и научному социализму. Социология мыслится как естественно-историческая дисциплина, как «физиология» общества. Взоры с упованием обращались то к Ог. Контю, то к К. Марксу. Но русская социальная мысль все же была еще на распутьи. Не забудем, что и на Западе научный социализм еще не оформился настолько, чтобы властно взять в свои руки все нити социального движения, а русским людям к тому же приходилось решать элементарный, но колоссальной важности вопрос — как изжить крепостное право, как удалить с лица несчастной родины печать позорного рабства.

